

● Если бы к Ельцину пошел он, может быть, все мы сейчас жили бы по-другому
Анатолий Головков и российская демократия..... 20

● **Псой КОРОЛЕНКО — о смеховой культуре: «У нас шутник воспринимается не как сатирик, а как целый Сатир»..... 21**

● **Николай КОЛЯДА — о тех, кто ушел за народной любовью и не вернулся..... 22**

часть 3

Новый культурный слой

Новая газета. № 2005. 28-31.07. c. 19-20

На канале «Россия» состоялась премьера фильма «Владимир Высоцкий. Смерть поэта». (Режиссер Ольга Дарфи, продюсер и руководитель проекта Виталий Манский.) Телезрители не увидели полную версию картины. По требованию наследников Высоцкого из фильма изъяты все стихи и песни — почти 10 минут хронометража. Авторы не смогли показать фильм полностью и в Союзе кинематографистов, наследники пригрозили судом и уголовной ответственностью...

Документальный фильм — попытка восстановить события последнего года жизни поэта. Если быть точным — 205 дней начиная с 1 января 1980 года. Нить утраченного времени сияется связь людей, близко знавшие Высоцкого. Ближний круг... Юрий Любимов, Василий Аксенов, Михаил Шемякин, Валерий Янкович, Ксения Афанасьева (Ярмольник), Николай Дупак, Генрих Падва...

В их прямой речи — темная обратная сторона планеты Высоцкий. Конечно, после публикаций последних лет о его трагической зависимости от наркотиков и алкоголя было известно. Но это первое «эфирное» нелепоприятное свидетельство о мучительном угасании, о попытках бороться, «разгугле последнего отчаяния». Манский настаивает, что обязан был сделать картину, ибо документалист фиксирует время истекшее и настоящее, а многие из близких Высоцкому людей уже ушли: Лев Кочарян, Артур Макаров, Игорь Шевцов, Всеволод Абдулов. Их, очевидцев, все меньше. Скоро некому будет рассказать, как было все на самом деле.

Под тиканье часов, отмечавших, сколько месяцев, дней, часов осталось до гибели, — шокирующие синхронны. Василий Аксенов вспоминает, как печально встретили 1980 год на даче, как одиноко, нехорошо было Высоцкому. Ночью он помчался в город и попал в аварию. Шемякин говорит о фантастическом предложении друга: уехать на лошадях в Америку в трудное путешествие...

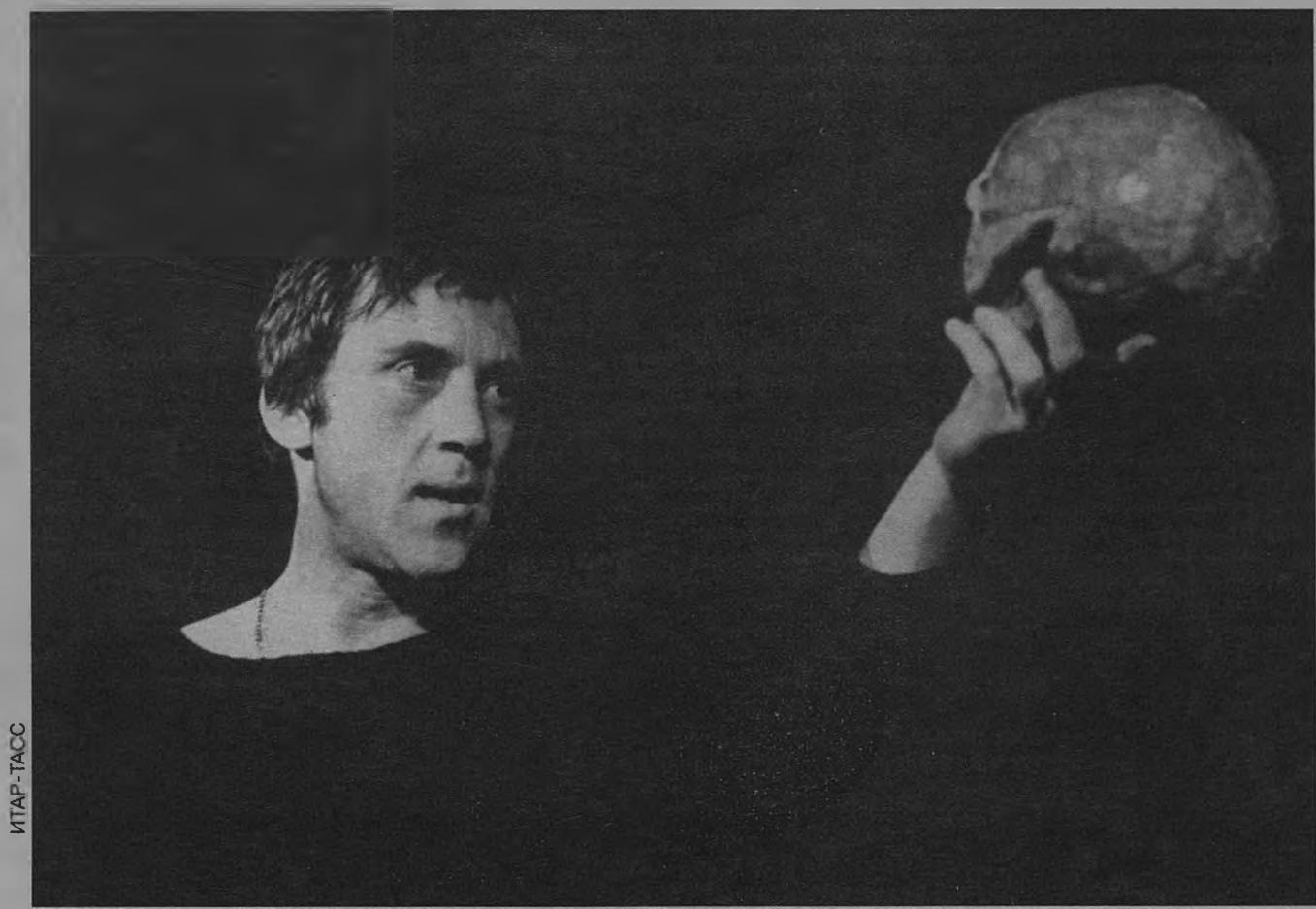
Бежать, спрятаться, вырваться из среды, которая стала главной причиной зависимости. И снова Шемякин — о легкоранимой, изрезанной в кровь «босой душе». Друзья признаются и в том, что пытались ему помочь в этой неравной борьбе, и в том, что сами помогали доставать губительные препараты, которые он сразу вкладывал лошадиными дозами. Спасти... Вытащить себя. Например, снять «Зеленый фургон», венчаться... дать концерт... еще... бесконечное число концертов (а за кулисами — огромные вымокшие полотенца). И снова кураж уводит в пике и низвергает в отчаяние. «Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю». Нарушение сна. Клиническая смерть. Предел. Хрип. Стоп.

В его смерти повинна и Олимпиада. Не только потому, что знакомые медики в ситуации ужесточенного полицейского режима отказались доставать наркотики. Олимпиада — триумфальная рама советской системы, в центре которой корчился от

боли, тихо умирал ее поэт-бунтарь. Он всегда рвался из «рамы», из зависимости. От системы и морфия. И пал не на дуэли, но в результате этого поединка свободы и подневольности все равно «лег виском на дуло». Друзья говорят о нем как об игроке со смертью. В последние месяцы говорил, писал о смерти много. 1 июня возникают стихи, в которых мольба — отменить дату смерти.

Драматичные кадры фильма — сам Высоцкий (съемка в «Останкине»). Его распухшие после гемосорбции руки отставляют гитару. Вроде бы хочет еще что-то сказать. А... ладно. И отстегивает микрофон.

Умереть, уснуть... Страшно звучит монолог Гамлета. Каждая фраза — от первого лица: «Достойно ли

ИТАР-ТАСС

Немой Высоцкий

Вышел фильм, который надо было бы смотреть под магнитофон с записями дорогого (во всех смыслах) голоса

дит скорее на историю болезни, а не судьбы.

Любопытно, что Система, сгноившая поэта, не смогла повесить замок на его рот. Его слушали от Крыма до Курил. Что происходит сегодня? И как к строгим «санкциям» отнесся сам Высоцкий?

Нам кажется, конфликт этот выходит за рамки юридического казуса. Кому принадлежит память? До какой степени наследники вправе ограничивать доступ к наследию, цензурировать завершенные произведения? Кто вправе оценивать, насколько художественен спектакль, фильм, литературное произведение? И какие этические границы не вправе переступать автор?

И отчего в последнее время так участились скандалы (а то и судебные процессы) вокруг наследия Визбора, Носова, Маршака, Окуджавы? То вспыхивают, то гаснут страсти вокруг архива Ахматовой. Не повезло Булгакову. То племянницы Булгакова судились с внуком и правнучкой, то пенсионер Сергей Шиловский (внук Елены Сергеевны) судился с «Вагриусом» и режиссером Кириллом Ганиным, он же и выход фильма Юрия Кары запретил.

А Высоцкий будет беззвучно открывать на экране рот под шокирующие откровения соратников. Безмолвно хрюпать, раздувать на шее жилы: «Что-то воздуху мне мало — ветер пью, туман глотаю...». Рвущий глотку поэт... которого не слышно. Немой Высоцкий — сильная метафора. Жуткая. Как тут не вспомнить прозорливое, кстати, в год смерти написанное:

Теперь я — капля в море,
 Я — кадр в немом кино,
 И двери — на запоре,
 А все-таки смешно...

● **Лариса МАЛЮКОВА,** обозреватель «Новой»

Система, сгноившая поэта, не смогла повесить замок на его рот. Его слушали от Крыма до Курил. Что происходит сегодня? И как к строгим «санкциям» отнесся бы сам Высоцкий?

контексте будут звучать стихи, после чего отказал не только в стихах, но и в песнях. «Оказывается, мы можем приобрести только изображение, а не звук», — изумился Манский. 8 июля, незадолго до эфира, на канал пришло письмо с требованием изъять стихи и песни. Наследники не отдают звук — голос поэта.

Теперь даже Шемякин не имеет права взять листок и зачитать с экрана строки, которые в своем прошальном письме Высоцкий посыпал ему и оставил на письменном столе Шемякина с титлом: «Другу и брату». Никита Высоцкий на радиостанции «Маяк» говорит: «...не хочу, чтобы во имя торжества свободы слова в этот день звучали стихи в этом фильме, придавая ему какую-то художественную ценность. Каждый будет решать для себя, что это — свобода слова или невоспитанность и хамство...».

На самом деле наследники сослужили дурную службу своему прославленному предку — без стихов фильм

стал чернее, беспощаднее по отношению к Высоцкому.

Так что: говорить или молчать?

Не буду утверждать, что позиция Манского бесспорно. Мне, к примеру, фильм, вторгшийся в опасную зону драмы, показался чересчур репортажным, холодноватым, однолинейно использующим «горячую» тему. В нем не хватает боли, воздуха времени (точнее, его удушливой атмосферы).

Есть определенные этические пропорции. Впрочем, повествовать «об исходе черных дней» — идти по лезвию бритвы. Но прежде всего не хватило самого Высоцкого. Крупности его личности, когда драма стала бы не частной историей борьбы отдельно взятого человека со своей бедой, а национальной трагедией.

Впрочем, как могу я судить произведение, которое обкорнали, из которого вынули душу — поэзию. Став репортажем, хроникой «необъявленной смерти», оно потеряло масштаб драмы. В таком виде он похо-